

ДВОРЕЦ ЗАБЫТЫХ ФОНАРЕЙ

Дворец забытых фонарей. Скрытая дверь

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Дворец забытых фонарей

Алёна Северина

**Дворец забытых
фонарей. Скрытая дверь**

«Автор»

2026

Северина А.

Дворец забытых фонарей. Скрытая дверь / А. Северина —
«Автор», 2026 — (Дворец забытых фонарей)

В туманном Янтарном Береге Вера Бережная обнаруживает три версии одного документа. В архиве появляется незнакомец, а камеры фиксируют человека, который торопится уйти, оставив после себя смятую квитанцию. Вместе с Артёмом Вера восстанавливает цепочку передач, понимая, что самая убедительная бумага ещё не обязательно самая правдивая. В этой истории решающим становится право свидетеля говорить на своих условиях.

Алёна Северина

Дворец забытых фонарей. Скрытая дверь

Глава 1. Наследство или письмо

К вечеру Янтарный Берег затянуло туманом. Он пришёл с воды, поднялся по Каштановой улице и лёг на мостовую тонким серым слоем, будто город кто-то торопливо стёр по краям. Фонари зажигались один за другим, но свет их тонул в сыром воздухе.

Вера Бережная вышла из трамвая у Старой набережной, прижимая к боку кожаную папку. В папке лежали три копии одного документа, две фотографии, выписка из городского реестра и письмо, которое она перечитала уже четыре раза.

Письмо начиналось без обращения.

«Если вам передали это, значит, дверь снова ищут не там».

Дальше шёл адрес: улица Фонарная, дом 6, бывший Дворец городских собраний. Ниже — дата, поставленная сорок два года назад, и подпись: «Е. Левицкая».

Вера остановилась под вывеской закрытой булочной и достала письмо. Бумага была плотной, желтоватой, с тёмной полосой у сгиба. Почерк — ровный, деловой, без нажима. Левицкая не писала о призраках, тайных обществах или проклятиях. Она указывала номера дел, даты заседаний и фамилии чиновников, а в конце сообщала, что из городского архива исчезла папка под названием «Дворец забытых фонарей. Скрытая дверь».

Исчезла не легенда. Исчез документ.

Вера подняла глаза на тёмный силуэт здания за туманом. Дворец городских собраний давно не использовали по назначению. Его закрыли после пожара в западном крыле, потом несколько лет обещали отреставрировать, а в итоге сдали под склады. Над главным входом ещё виднелась каменная гирлянда из фонарей — все одинаковые, кроме одного, расколотого пополам.

— Вы всё-таки пришли.

Артём Мельник стоял у чугунной ограды. На нём было тёмное пальто, промокшее на плечах, и выражение лица человека, который заранее приготовился спорить.

— А вы всё-таки следили, — ответила Вера.

— Если бы следил, подошёл бы раньше.

— Утешительная разница.

Он скользнул взглядом по папке, но не протянул руки.

— Письмо у вас?

— Вы его видели?

— Нет.

— Тогда почему спрашиваете?

— Потому что человек, который его передал, сегодня утром звонил мне и просил не вмешиваться.

Вера убрала письмо обратно.

— Кто?

— Николай Вадимович Серов. Бывший сотрудник городского архива. Он сейчас в больнице.

Туман шевельнулся между прутьями ограды.

— Что случилось?

— Его сбила машина возле Архивного управления. Водитель не остановился.

— Случайность?

— Полиция считает, что да. Я — пока не знаю.

Артём говорил спокойно, но пальцы его правой руки сжались в кулак. Вера заметила это и тут же поняла: он либо боялся, либо злился. Возможно, и то и другое.

— Серов передал письмо вам?

— Не успел. Позвонил и сказал, что оно должно попасть к человеку, который умеет читать не только подписи. Через час мне позвонила вы.

— Значит, он отправил его мне раньше.

— Или кто-то хотел, чтобы мы так подумали.

— Вы часто начинаете разговор с обвинения?

— Только когда не знаю, кто ещё в нём участвует.

Вера посмотрела на здание. За решёткой темнел двор, заваленный строительными лесами. Главная дверь была заколочена, но сбоку, под аркой, горел один жёлтый светильник.

— Я не собираюсь входить туда без разрешения.

— Хорошо.

— Вы разочарованы?

— Нет. Я надеялся, что вы это скажете.

Он достал из кармана фотографию и протянул ей. На снимке был узкий проход между двумя стенами. Слева — облупившаяся штукатурка, справа — ряд металлических шкафов. В конце прохода стояла дверь без ручки. На ней мелом вывели: «С-17».

— Это подвал Дворца? — спросила Вера.

— По планам здания такого прохода нет.

— Фотография могла быть сделана где угодно.

— Могла.

— И вы всё равно принесли её.

— Потому что её нашли в кармане Серова.

Вера снова достала письмо, развернула его под светом фонаря и сравнила почерк с подписью на обороте фотографии. Буквы не совпадали. Письмо написала Левицкая, а на фотографии стояла дата — 1981 год. Серов работал в архиве гораздо позже.

Между двумя снимками, вложенными в папку, что-то царапнуло картон. Вера нахмурилась, вынула фотографии и нащупала плоский металлический кружок. Он был размером с монету, тусклый, с зелёным налётом по краям.

— Это что?

— Ваше, — сказал Артём.

— Я не клала его в папку.

— Значит, кто-то положил.

Она провела ногтем по поверхности. На кружке виднелась цифра семнадцать и стёртая буква «Ф». Обычная жетонная шайба — возможно, от камеры хранения или старого гардероба. Никакой ценности.

— Вы знали, что она там?

— Нет.

— А теперь знаете.

— Теперь знаю.

— И всё ещё предлагаете мне идти дальше?

— Я предлагаю сначала понять, кому вы уже помешали.

Из-за ограды донёсся металлический скрежет. В глубине двора качнулась створка ворот, хотя ветра не было. Артём резко повернул голову.

— Здесь кто-то есть.

— Уверены?

— Нет. Но проверю.

Он шагнул к калитке.

- Артём, — остановила Вера. — Если вы войдёте, это будет незаконно.
- А если не войду, тот, кто там, может уничтожить то, ради чего вы пришли.
- Это не аргумент.
- Знаю.

Он обернулся. В его лице не было привычной насмешки, только усталость и неприятная честность.

— В прошлом году я уже решил, что цель важнее правил. Один раз. Из-за этого человек потерял работу, а часть документов исчезла. Больше я так не буду.

Вера задержала на нём взгляд. Он не оправдывался и не просил доверия. Просто назвал цену собственной ошибки.

Скрежет повторился. На этот раз из здания.

Вера закрыла папку.

— Мы не входим внутрь. Обходим двор и смотрим снаружи. Если увидим человека — звоним в полицию.

- Договорились.
- И фотографию забираю себе.
- Почему?
- Потому что вы пришли ко мне с половиной фактов.
- А вы — с письмом, которого мне не показали.
- Значит, мы квиты.

Они пошли вдоль ограды, держась подальше друг от друга. У боковой стены туман был гуще, пахло мокрым кирпичом и старым углём. Под окном, заколоченным фанерой, Вера заметила свежие царапины на замке. Рядом валялась деревянная планка, а на пыльной земле отпечатались два следа: один глубокий, от тяжёлого ботинка, другой — узкий, почти стёртый.

Артём присел.

- Здесь открывали.
- Недавно?
- Пыль осела неравномерно. Сегодня.

Вера прислонилась к стене и посмотрела на металлический жетон. На обратной стороне, которой раньше не было видно, обнаружилась крошечная насечка: треугольник, перечёркнутый линией. Такой же знак стоял внизу письма Левицкой.

Обычная вещь перестала быть обычной.

Из-за стены раздался глухой удар, затем короткий стон.

Вера первой дёрнула фанерную планку. Она поддалась с неприятным хрустом, открывая узкую щель в подвал. Внутри, на бетонном полу, лежала женщина в сером архивном халате. Её лицо было обращено к стене, рядом темнела кровь.

Артём уже набирал номер полиции.

- Не трогайте её, — сказал он.
- Я и не собиралась.

Но женщина пошевелилась. Вера увидела, как её рука скользнула по полу и остановилась у порога. В пальцах был зажат обрывок бумаги.

— Она жива, — сказала Вера.

Женщина открыла глаза, с трудом повернула голову и прошептала:

- Папку... забрали не они.
- Кто забрал? — Вера опустила на колени у щели, не касаясь пострадавшей.
- Женщина попыталась вдохнуть, но боль перехватила ей горло.
- Спросите... почему дверь закрыли изнутри.

Сирена появилась в тумане раньше, чем Вера успела задать новый вопрос. Артём убрал телефон от уха и посмотрел на неё.

— Это Лидия Руденко, — сказал он. — Нынешняя заведующая закрытым фондом.

Вера перевела взгляд на жетон с цифрой семнадцать, на обрывок бумаги в руке женщины и на свежий замок, установленный снаружи.

Первой пострадала не та, кто искал дверь, а та, кто однажды согласилась её охранять.

Полицейская машина остановилась у ворот, разбрызгав по лужам синеватый свет. Следом подкатил автомобиль скорой помощи. Из него выбежали фельдшер и женщина-врач с сумкой, которую тащила за короткую кожаную ручку.

Артём отступил от щели, освобождая проход.

— Здесь, — сказал он. — Пострадавшая в сознании, но ударилась головой. Кровь шла из затылка.

— Вы её трогали?

— Нет.

Вера заметила, как он убрал руки в карманы. На правом рукаве у него темнело пятно — не кровь, а мокрая пыль с кирпича. Фельдшер быстро осмотрел Лидию, осторожно надел ей шейный воротник и попросил не двигаться. Женщина застонала, когда её переложили на носилки.

— Кто вы? — спросила врач, глядя на Веру.

— Вера Бережная. Я обнаружила её вместе с Артёмом Мельником.

— Родственники?

— Нет.

— Тогда отойдите.

Вера подчинилась. Слова врача прозвучали спокойно, но в них не было места для возражений. Она отошла к ограде и увидела, что Артём уже разговаривает с мужчиной в тёмной форме. Тот записывал показания в блокнот, не поднимая головы.

— Лейтенант Сазонов, — представился он, подойдя к ней. — Кто первым увидел пострадавшую?

— Я.

— Входили в помещение?

— Нет. В подвал попали через щель в фанере. Внутрь не проходили.

— Что делали на территории?

Вера посмотрела на здание. Туман медленно поднимался от земли, открывая ржавые полосы на стенах и забитые окна. Дворец забытых фонарей выглядел не заброшенным, а оставленным на полуслове: будто люди ушли отсюда не по своей воле и всё ещё могли вернуться за недопитым чаем.

— Получила письмо от Елены Левицкой, — сказала она. — В нём упоминались этот адрес и пропавшая папка.

Сазонов поднял глаза.

— Папка?

— Я пока не знаю, что в ней было.

— А вы знаете, что она пропала?

— Это сказала Лидия Руденко.

— Воронцова, — поправил Сазонов. — Мельник ошибся с фамилией. Ещё что-нибудь она сказала?

Вера не ответила сразу. Рядом Артём закончил разговор и повернулся к ним. Между ними оставалось несколько шагов, но Вера вдруг почувствовала эту дистанцию слишком отчётливо. Он пришёл к ней с половиной фактов. Она скрыла письмо. Теперь каждый из них мог решить, что другой продолжит делать то же самое.

— Она сказала: «Папку забрали не они», — произнесла Вера. — И спросила, почему дверь закрыли изнутри.

Сазонов записал фразу.

— Кто такие «они»?

— Не знаю.

— А Левицкая кто?

— Бывшая сотрудница архива. Умерла три года назад.

— Умерла?

— Да.

Лейтенант впервые перестал писать. В его взгляде появилось не недоверие, а осторожность человека, который понял: перед ним не бытовая драка у пустого здания.

— Письмо при вас?

Вера достала конверт из внутреннего кармана пальто. Бумага успела отсыреть по краям, но печать и подпись оставались различимыми. Сазонов надел перчатки, взял конверт и положил в прозрачный пакет.

— Я верну его после осмотра, — сказал он.

— Это единственный оригинал.

— Поэтому и не буду держать его голыми руками.

Скорая тронулась, увозя Лидию. Перед тем как дверцы захлопнулись, женщина вдруг приподняла руку. Вера подошла ближе, но фельдшер остановил её жестом.

— Не задерживайте.

Лидия смотрела не на Веру, а на Артёма. Её губы дрогнули.

— Мельник... — выдохнула она.

Артём наклонился, стараясь услышать.

— Не отдавайте... ключ...

Фельдшер закрыл дверцу. Машина уехала, и её красные огни растворились за туманной улицей.

— Какой ключ? — спросил Сазонов.

Артём ответил не сразу.

— Не знаю.

Вера повернула голову. Он смотрел вслед скорой, сжав челюсть. На его лице не было растерянности — только быстро принятое решение.

— Знаете, — сказала она.

— Я знаю, что Лидия была заведующей фондом. Не знаю, о каком ключе она говорила.

— Она назвала вас по имени.

— Многие люди знают моё имя.

— Но не многие лежат с разбитой головой в запертом подвале.

Сазонов перевёл взгляд с одного на другую.

— Вы знакомы давно?

— Нет, — сказала Вера.

— Достаточно, чтобы вместе искать папку?

Артём сухо усмехнулся.

— Мы не искали папку.

— Тогда что вы делали здесь ночью?

— Проверяли адрес из письма.

— В одиночку?

— Каждый сам по себе, — ответила Вера.

Сазонов посмотрел на неё так, будто этот ответ ему понравился меньше остальных.

К подвалу подошла криминалистка. Она поставила на землю чемодан, достала фотоаппарат и начала снимать замок, фанеру, следы на пыли. Ещё один сотрудник осматривал двор, присев возле глубокого отпечатка ботинка.

— Сюда никто не входит, — предупредил Сазонов. — Даже если вам кажется, что внутри осталось что-то важное.

Вера кивнула. Она уже собиралась спросить, можно ли забрать свой жетон, когда увидела на земле серый халат Лидии. На его кармане темнела маленькая металлическая пуговица, круглая, с четырьмя отверстиями. Обычная больничная или рабочая пуговица — ничего примечательного. Но край её был надломлен, а в трещине застряла тонкая красная нить.

Такая же красная нить торчала из обрывка бумаги, который Лидия держала в руке.

— Лейтенант, — позвала Вера.

Сазонов подошёл. Вера указала на пуговицу.

— Это могли потерять здесь?

— Могли. Но трогать нельзя.

Криминалистка сняла пуговицу пинцетом, сфотографировала и убрала в отдельный пакет. Потом подняла пинцетом оставшийся рядом с халатом обрывок бумаги и осторожно развернула его. Лидия уже уехала — спросить её о находке было нельзя.

На бумаге виднелись четыре слова:

****«Согласие не распространяется на...»****

Ниже край был оборван.

Артём прочитал через плечо Веры. Его лицо изменилось.

— Что? — спросил Сазонов.

— Это формулировка из архивного договора, — сказал Артём. — В нём прописывали доступ к закрытым фондам.

— К чему именно не распространяется согласие?

— К передаче копий третьим лицам. Или к вскрытию помещения. В таких документах бывает по-разному.

— Вы работали с ними?

— Да.

— Где?

— В городском архиве. До того, как ушёл.

Вера посмотрела на него. Он не скрывал этого, но и не спешил объяснять, почему ушёл. Его прежняя ошибка вдруг обрела очертания, слишком похожие на нынешнюю историю: подпись, доступ, исчезнувшие документы и человек, который заплатил за решение, принятое кем-то другим.

Сазонов закрыл пакет.

— Завтра оба дадите подробные показания. А сейчас я попрошу вас пройти со мной в отделение.

— В качестве свидетелей? — спросила Вера.

— Пока да.

Он сделал шаг к воротам, но остановился.

— И ещё. Никто не покидает город без уведомления, пока не будет установлено, кто закрыл эту дверь и зачем.

Вера достала телефон. На экране высветилось новое сообщение с неизвестного номера. Всего одна строка:

****«Не ищите ключ. Лидия согласилась охранять дверь, но не согласилась открывать её для вас».****

Она показала сообщение Артёму, а затем лейтенанту.

Сазонов нахмурился.

— Когда пришло?

— Сейчас.

— Ответите?

Вера посмотрела на тёмные окна дворца. За одним из них на мгновение мелькнул слабый жёлтый отблеск, хотя электричества в здании не было уже много лет.

— Нет, — сказала она. — Сначала выясним, кто знает, что сказала Лидия.

Артём встал рядом, не касаясь её плеча.

— И кто решил, что её согласие можно заменить нашим.

Вера убрала телефон в карман и пошла к воротам, оставляя за спиной опечатанный подвал, старое письмо и пуговицу, которая уже не казалась обычной.

В отделении пахло мокрыми куртками, дешёвым кофе и бумагой, которую слишком долго держали под металлическими скобами. Сазонов провёл их не в кабинет, а в комнату для бесед — узкую, с окном на переулок и столом, расколотым у самого края.

— По очереди, — сказал он. — Сначала Бережная.

Артём остался у стены. Не сел, хотя свободный стул стоял рядом с ним.

Вера положила телефон на стол экраном вниз.

— Я не подозреваемая?

— Пока нет.

— Это «пока» относится ко всем?

— Ко всем, кто оказался у дворца в момент происшествия.

— Лидия тоже?

Сазонов снял мокрую фуражку и положил её на подоконник.

— Лидия Воронцова сейчас в приёмном покое. У неё сильный приступ астмы. До осмотра у дворца она сказала врачу, что не открывала подвал и не передавала никому ключ.

Вера выпрямилась.

— Но в сообщении написано, что она согласилась охранять дверь.

— Сообщения могут присылать не те люди, которые говорят правду.

— А её приступ?

— Возник после того, как она нашла бумагу. Врач считает, что причиной мог быть стресс, но окончательно пока не говорит.

Вера вспомнила пальцы Лидии — напряжённые, белые на суставах, и красную нить, застрявшую в трещине пуговицы. Тогда ей показалось, что женщина держит обрывок бумаги слишком крепко. Не как случайную находку. Как доказательство, которое у неё пытались отнять.

— Она видела того, кто оставил бумагу?

— Говорит, что нет.

— А вы ей верите?

— Я верю показаниям, пока не получаю основания считать их ложью.

Он достал из папки копию протокола осмотра. На первой странице стояли время и адрес: улица Фонарная, дом 6, бывший Дворец забытых фонарей.

— Подвал был заперт снаружи, — продолжил Сазонов. — Замок новый, со свежими царапинами. Ворота закрыты на цепь. Окна первого этажа опечатаны с прошлого года. Внутри нашли следы присутствия как минимум двух человек.

— Два? — спросила Вера.

— Ваших и Мельника там нет. Вы ведь внутрь не входили.

— Значит, кто-то был там раньше нас.

— Или раньше Лидии.

Он положил перед ней лист с фотографией пола. На серой пыли виднелись два ряда следов: один — от тяжёлых ботинок, второй — узкий, почти стёртый, будто человек шёл, стараясь ставить ноги в чужие отпечатки.

— Это можно определить? — спросила Вера.

— Определить можно многое. Доказать — меньше.

Из коридора донёлся звон телефона, затем резкий голос дежурного. Сазонов подождал, пока шум стихнет.

— Теперь о вас. Что вы искали во дворце?

— Не я начала поиски.

— Но продолжили.

— Да.

— Почему?

Вера посмотрела на фотографию. На самом краю снимка, у основания стены, лежала тонкая деревянная планка. На ней темнело круглое пятно, похожее на след от свечи.

— Потому что пропала часть архива. И потому что человек, который имел право что-то скрывать, оказался не тем, кто имел право распоряжаться чужой безопасностью.

Сазонов перевёл взгляд на неё.

— Формулировка удобная. Кого именно вы обвиняете?

— Пока никого.

— Вы видели закрытую дверь?

— Нет. Я увидела место, где она должна быть.

— А Мельник?

— Он узнал планировку.

— И не сообщил вам сразу?

Вера замолчала.

За стеной хлопнула дверь. Артём поднял голову, но не вмешался.

Сазонов заметил это.

— Хорошо. Тогда скажите сами: что он от вас скрыл?

— Это лучше спросить у него.

— Я спрошу. Но вы уже поняли, что он связан с архивом не только как бывший сотрудник.

— Я поняла, что он сделал ошибку.

— Какую?

Вера провела пальцем по краю фотографии, не касаясь бумаги.

— Он подписал передачу документов человеку, который не должен был их получать.

В комнате стало теснее.

— Вы знали это до сегодняшнего дня?

— Догадывалась.

— А он признался?

— Нет.

— Почему продолжаете ему доверять?

Вера подняла глаза.

— Я не говорила, что доверяю ему полностью.

— Тогда почему не отстранились?

— Потому что недоверие — не то же самое, что доказательство вины.

Сазонов впервые за всё время едва заметно усмехнулся.

— С этим в нашем городе всегда плохо.

Он убрал протокол и достал прозрачный пакет с пуговицей. Красная нить в трещине казалась почти чёрной под холодной лампой.

— Криминалистка проверила волокно. Это не кровь и не краска. Обычная швейная нить, синтетика. На пуговице следы машинного масла и старой штукатурной пыли.

— Рабочая одежда, — сказала Вера.

— Возможно. Но пуговицы такого типа закупали для городской службы эксплуатации зданий. Их ставили на куртки сторожей, электриков, ремонтных бригад.

— Дворец обслуживали?

— Официально — нет. После закрытия здание числилось законсервированным. Но в архиве есть заявки на осмотр крыши, подвала и отопительной системы.

— За какой год?

Сазонов не ответил сразу.

Артём оттолкнулся от стены.

— Покажите журнал.

— Вам нельзя вмешиваться в беседу.

— В журнале есть моя подпись.

Сазонов посмотрел на него поверх очков.

— Вот теперь вы решили не молчать?

— Я не знал, что именно вы нашли.

— Зато знали, что искать.

Артём подошёл к столу, но остановился в шаге.

— В журнале эксплуатации должна быть запись о вскрытии западного крыла. Если она сохранилась, там будет имя подрядчика.

— А если не сохранилась?

— Тогда запись убрали после моего ухода.

Вера повернулась к нему.

— Что было в западном крыле?

Он встретил её взгляд и не отвёл его.

— Не дверь. Помещение за стеной. В старых планах его называли комнатой хранения светильников. Но площадь не совпадала. Между двумя коридорами оставался пустой участок, которого не было на поздних схемах.

— Вы туда заходили?

— Нет.

— Но передали кому-то документы?

— Передал копии планов. Не все. Мне сказали, что это нужно для аварийного обследования.

— Кто сказал?

Артём медленно выдохнул.

— Николай Ратников.

Имя ничего не сказал Вере, но Сазонов изменился: открыл папку, быстро перелистал несколько страниц.

— Бывший заместитель начальника городского управления имущества, — сказал он. — Умер три года назад.

— Он не умер, — ответил Артём. — Уехал из Янтарного Берега после проверки.

— В документах стоит свидетельство о смерти.

— Тогда документы лгут.

Сазонов резко поднялся. Стул скрипнул по полу.

— Вы это знали и молчали?

— Я знал только, что видел его на вокзале. Без подтверждения это было бы слухом.

— А теперь?

Артём посмотрел на Веру.

— Теперь у нас есть человек, который знает формулировку договора, имеет доступ к старым планам и умеет заставлять других считать чужое согласие достаточным.

Вера почувствовала, как внутри складываются разрозненные детали: письмо, красная нить, пуговица, сообщение и жёлтый отблеск в окне. Но отблеск не был доказательством. Им

мог оказаться свет с улицы, отражение фар, чей-то фонарь. Она заставила себя не превращать страх в вывод.

— Ратников не мог быть в здании, — сказала она. — Если он официально умер, его появление заметили бы.

— Или он не появлялся, — возразил Сазонов. — Кто-то мог использовать его имя. В дверь постучали. Дежурная просунула голову.

— Лейтенант, из больницы звонили. Воронцова пришла в себя. Просит передать, что готова говорить только с Бережной.

Сазонов посмотрел на Веру.

— Почему с вами?

— Не знаю.

— Пойдёте?

— Да.

Артём шагнул следом.

— Я тоже.

— Нет, — сказал Сазонов. — Вы останетесь здесь, пока я не закончу ваши показания.

— Тогда я поеду одна.

— Я отвезу, — сказал Сазонов.

Вера взяла телефон. На экране не было новых сообщений, но под стеклом виднелось её отражение — бледное, собранное, слишком спокойное.

— Хорошо, — сказала она. — Только сначала я хочу увидеть журнал эксплуатации.

— Зачем?

— Если Ратников действительно жив, запись о западном крыле покажет не то, кто его видел, а кто пытался стереть след.

Сазонов несколько секунд смотрел на неё, затем закрыл папку.

— В архив поедem вместе. В больницу — после архива.

Он вынул из кармана ключи, но не направился к выходу.

— И ещё, Бережная. До выяснения обстоятельств никому не сообщайте, что Мельник назвал это имя.

— Даже самому Мельнику?

— Особенно ему.

Вера взглянула на Артёма. На его лице не было обиды, только усталость человека, который слишком долго ждал именно этого вопроса.

Когда они вышли в коридор, он догнал её у лестницы.

— Ты теперь считаешь, что я мог работать на Ратникова?

— Я считаю, что ты рассказал не всё.

— Это не одно и то же.

— Для человека, который хочет получить моё доверие, разница существенная.

Он остановился.

— Я не прошу тебя доверять мне вслепую.

— Хорошо. Потому что я не буду.

Внизу распахнулась дверь, и в отделение ворвался влажный воздух с улицы. Сазонов уже ждал у машины. Вера спустилась по ступеням, а Артём остался на площадке, впервые не пытаясь идти рядом с ней.

Перед тем как сесть в автомобиль, Вера достала из сумки старое письмо, возвращённое Сазоновым после осмотра в отделении, и развернула его под светом фонаря. Внизу, под выцветшей подписью, была приписка, которой она раньше не замечала:

***«Ключ хранится не у того, кто открывает, а у того, кто подтверждает право войти».**

Она сложила письмо и убрала обратно, понимая, что теперь им придётся искать не ключ, а человека, чью подпись кто-то использовал вместо согласия.

Сазонов вёл машину молча. Дворники с трудом справлялись с дождём, и каждый взмах оставлял на стекле короткую мутную полосу. Янтарный Берег за окнами расплывался пятнами: вывески, мокрые фонари, окна домов, где люди уже закрыли шторы и отгородились от улицы.

Вера сидела рядом, придерживая сумку на коленях. Письмо лежало внутри, между папкой и блокнотом. Она чувствовала его даже сквозь ткань, словно бумага стала тяжелее.

— Вы знали, что Воронцова связана с архивом? — спросила она.

— Знал, что она работала в муниципальном фонде недвижимости. Три года назад ушла по состоянию здоровья.

— Это не ответ.

— Нет, — согласился Сазонов. — Не ответ.

Он свернул на узкую улицу, зажатую между старым рынком и рядом доходных домов. Здесь фонари стояли редко, а дождь собирался в глубоких выбоинах. В конце улицы темнело двухэтажное здание бывшей конторы портового управления. Его давно не использовали по назначению, но на фасаде всё ещё оставалась выщербленная надпись: «Регистрация грузов и городских прав».

Сазонов остановился у бокового входа.

— Архив официально закрыт, — сказал он. — В журнал мы посмотрим быстро и без самостоятельности.

— Я не собираюсь выносить его под пальто.

— Вы всегда шутите, когда нервничаете?

— Только когда собеседник пытается сделать вид, что контролирует ситуацию.

Он бросил на неё короткий взгляд.

— Тогда предупреждаю: я нервничаю тоже.

Дверь открылась после третьего поворота ключа. Внутри пахло мокрым камнем, пылью и старой краской. Сазонов включил фонарь на телефоне. Свет скользнул по лестнице, по стене с выцветшими стрелками, по табличке «Западное крыло». Стрелка указывала вниз.

— Почему эксплуатационный журнал хранится здесь? — спросила Вера.

— Потому что здание перестраивали частями. Архивные помещения подключали к разным системам отдельно. В западном крыле был старый грузовой подъёмник и резервное освещение. Сейчас там только склад документов.

— А кто имеет доступ?

— По официальному списку — я, начальник отдела хранения и дежурный техник.

— По неофициальному?

Сазонов не ответил.

Они спустились в подвал. Коридор оказался длиннее, чем предполагала Вера. За металлической решёткой начинались стеллажи, накрытые серыми чехлами. На стене висели два фонаря — один электрический, другой керосиновый, с потемневшим стеклом. Даже выключенные, они казались частью здания, которое продолжало ждать работы.

Сазонов достал связку ключей и открыл решётку.

— Журнал за какой год? — спросила Вера.

— За последние пять лет.

— Мне нужен не только последний.

— Почему?

— Приписка в письме говорит о подтверждении права войти. Если кто-то использовал старый порядок доступа, след мог появиться задолго до сегодняшнего происшествия.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Вы считаете, что Воронцову использовали не впервые?

— Я считаю, что люди редко рискуют ради одного эпизода.

В дальнем шкафу стояли толстые книги в холщовых переплётках. Сазонов поставил на стол три журнала. Бумага под его пальцами зашелестела сухо и ломко.

— Записи по западному крылу начинаются с двадцать первого года, — сказал он. — До этого здесь был другой порядок.

Вера наклонилась над раскрытой страницей. Даты шли ровными столбцами. Время, фамилия, причина входа, подпись ответственного. На первый взгляд — обычная канцелярская работа: уборка, проверка электропроводки, инвентаризация, ремонт замка.

— Вот, — сказала она.

В записи от четырнадцатого октября стояло: «Осмотр двери № 7. Допуск подтверждён Е. Воронцовой». Подпись была короткой, с резким росчерком в конце.

Сазонов нахмурился.

— Дверь № 7 не существует.

— В этом журнале существует.

— Там раньше был технический проход. Его заложили ещё до моего назначения.

— Значит, кто-то вошёл туда после того, как проход перестал числиться действующим.

Она перевернула страницу. Следующая запись относилась к двадцать восьмому октября. Затем — к третьему ноября. Везде повторялась одна формулировка: «Осмотр двери № 7. Допуск подтверждён Е. Воронцовой».

— Три раза, — сказала Вера. — А Воронцова была здесь?

— Сейчас выясним.

Сазонов достал телефон, но Вера остановила его.

— Сначала посмотрите на даты.

— Что с ними?

— Они всегда приходятся на день после закрытия отдела. И ещё: время указано с точностью до минуты, но минутные значения одинаковые.

Он наклонился ближе. 21:40. 21:40. 21:40.

— Это копировали, — сказал он.

— Не запись. Шаблон.

Вера осторожно поднесла страницу к свету. Вдоль левого края бумага была темнее, а под чернилами просматривался едва заметный прямоугольник.

— Лист заменяли.

Сазонов провёл пальцем по переплёту.

— Остальные страницы пришиты старой нитью. Эта — новой.

— Вы говорили, что журнал никто не трогал.

— Я говорил, что его не должны были трогать.

Он резко выпрямился и достал из шкафа маленькую коробку с пломбами. Одна пломба была вскрыта, края коробки разошлись.

— Кто отвечает за хранение? — спросила Вера.

— Сейчас — Левин.

— Фамилия есть в списке допущенных?

— Есть.

— А у него был доступ к архивной печати?

Сазонов не ответил. Он листал журнал дальше, пока не остановился на последней записи. «Допуск подтверждён Е. Воронцовой. Свидетель — А. Мельник».

Вера почувствовала, как внутри всё стало холодным.

— Артём здесь был.

— Вы знали?

— Нет.

— Он вам не сказал.

Это не было вопросом. Вера смотрела на подпись. Буквы были неровными, будто человек писал второпях. Ниже стояла отметка: «Согласие получено устно, в присутствии свидетеля».

— Это не его подпись, — сказала она.

— Вы уверены?

— Я видела его почерк. Но дело не в подписи. Он не мог быть свидетелем согласия Воронцовой, если она утверждает, что готова говорить только со мной и просит передать это через больницу.

Сазонов медленно закрыл журнал.

— Или могла не знать, что дала согласие.

— Тогда это не согласие.

— В архивных делах есть разница между добровольным и оформленным.

— Между ними есть разница в человеческой жизни.

Он посмотрел на неё, и впервые за вечер в его лице исчезла служебная осторожность.

— Поэтому я не показал вам эту запись сразу.

— Нет. Вы не показали её, потому что решили, что сами определите, сколько мне можно знать.

— Возможно.

— Это и есть та самая ошибка, из-за которой люди начинают использовать чужое согласие ради общей безопасности.

Сазонов сжал челюсть.

— Вы сейчас говорите обо мне?

— О всех.

Он вернул журнал на место, но Вера не позволила ему закрыть шкаф.

— Сфотографируйте страницу.

— Нельзя.

— Тогда я запишу номер листа, состояние бумаги и все формулировки.

— Бережная...

— Если этот лист исчезнет, у нас останется только ваша память. А память человека, который не сказал мне правду, — слабое доказательство.

Сазонов несколько секунд молчал, потом достал телефон и сделал снимки. На третьем кадре вспышка осветила нижний край страницы. Под наклеенным листом проступили старые чернила.

Вера наклонилась.

— Остановите.

Он увеличил изображение. Под новым текстом читалась прежняя строка: «Передача ключа отменена. Основание — отказ Е. Воронцовой».

— Вот оно, — сказала Вера. — Она не разрешала вход. Она отказала.

— Кому?

— Здесь нет имени.

— Но есть дата.

Вера сверила её с письмом. Дата стояла через два дня после первой записи о двери № 7.

— Её отказ заменили согласием, — сказала она. — И после отказа использовали её имя ещё дважды.

Сазонов убрал телефон.

— Значит, Воронцова — не помощница. Она первый человек, чьим именем прикрыли проникновение.

— И, вероятно, первая, кто попытался остановить это.

Сверху раздался металлический звук. Кто-то закрыл входную дверь.

Сазонов мгновенно погасил фонарь. В подвале стало темно. Вера услышала его дыхание рядом и слабое потрескивание старого керосинового фонаря на стене — то ли от сквозняка, то ли от движения воздуха.

— Здесь кто-то есть, — прошептал он.

Вера прижала ладонь к сумке. Письмо и пуговица лежали внутри, рядом с блокнотом. Она не знала, кто поднялся по лестнице, но теперь знала главное: дверь № 7 была не легендой и не случайной пометкой в старом журнале. Её существование пытались скрыть документом, составленным от имени женщины, которая отказалась открывать её.

Шаги остановились над ними.

Сазонов едва слышно сказал:

— Если это Левин, не выходите первой.

— А если это тот, кто подделал запись?

— Тогда тем более.

Вера посмотрела на тёмный прямоугольник двери в конце коридора. На ней не было номера, только облупившаяся краска и старое место под замком.

— Мы не будем ждать, пока он уйдёт, — сказала она. — Мы вызовем его сюда.

— Вы с ума сошли?

— Нет. Просто теперь у нас есть документ, который он считает уничтоженным.

Она достала телефон и включила запись.

— Если человек пришёл проверить, исчез ли след, он обязательно попробует выяснить, что мы нашли.

Шаги снова двинулись по лестнице. Сазонов выругался сквозь зубы, но не остановил её. Вера подняла голос:

— Господин Левин, мы нашли первоначальную запись об отказе Воронцовой. И фотографию страницы. Думаю, вам будет что объяснить.

Наверху наступила тишина.

Потом кто-то побежал.

Сазонов рванулся к лестнице, а Вера схватила журнал и прижала к груди.

— Не оставляйте меня здесь, — бросил он.

— Я и не собиралась.

Они выбежали в коридор одновременно. Дверь наружу была распахнута, дождь хлестал внутрь. На мокром камне виднелись свежие следы — один человек в тяжёлых ботинках, второй, более лёгкий, шёл следом.

Сазонов остановился у порога.

— Он был не один.

Вера смотрела на две цепочки следов и думала не о том, кто убежал. Теперь стало ясно, что скрытая дверь требовала не ключа, а чужого имени, а имя Воронцовой уже принесло ей слишком высокую цену.

— В больницу, — сказала она. — Пока человек, который отказался открыть дверь, ещё может рассказать, кто заставил её молчать.

Сазонов запер архив, но ключ в замке повернулся с неприятной лёгкостью, словно кто-то недавно смазывал механизм. Через несколько минут машина снова выехала на мокрую улицу, увозя с собой фотографию подменённой страницы и журнал, который впервые стал доказательством не порядка, а преступления.

Глава 2. Правило, которого не было

Машина остановилась у приёмного отделения, и Сазонов первым открыл дверцу, хотя левая рука у него висела вдоль тела. На виске темнела кровь, ворот рубашки был разорван. Он выбрался наружу, сделал два шага и только потом позволил санитару подхватить себя под локоть.

— Не в травмпункт, — сказал он. — Сначала к дежурному врачу. У меня... — он поморщился, — у меня нет времени на швы.

— У вас есть время на то, чтобы не умереть от сотрясения, — ответила Вера.

— Не драматизируйте.

— Я видела, как вы упали на каменную лестницу.

— Я не падал.

Сазонов посмотрел на неё с раздражением, которое почти сразу сменилось усталостью. Вера заметила, как он сжал пальцы, проверяя, слушается ли кисть. Журнал он всё ещё держал под мышкой, завернув в собственное пальто.

В приёмном отделении пахло хлоркой, мокрыми куртками и дешёвым кофе. Телевизор под потолком показывал беззвучные новости. У стойки регистрации медсестра спорила с мужчиной в строительной каске, а за стеклянной дверью кто-то стонал, требуя позвать родственников.

Вера усадила Сазонова на пластиковый стул.

— Назовите фамилию нападавшего.

— Если бы я знал, уже назвал бы.

— Вы узнали его голос.

— Я сказал, что слышал голос.

— И вторую пару шагов.

Сазонов поднял на неё глаза.

— Вы тоже слышали.

— Я слышала, как кто-то убежал вслед за ним.

— Значит, их было двое.

— Это не ответ.

Он отвернулся. Пальцы его дрогнули, когда он достал из кармана телефон. Экран был разбит, но работал. Сазонов набрал номер, несколько секунд слушал гудки и сбросил.

— Кому вы звонили?

— Человеку, который должен был прийти раньше.

— Артёму?

— Я не обязан вам отчитываться.

— Пока вы сидите рядом с уликой и отказываетесь сообщить о нападении, обязаны хотя бы не мешать расследованию.

— Вы называете журнал уликой?

— Теперь да.

— Тогда не кладите его на пол, — заметил Сазонов.

Он кивнул на пальто. Из-под ткани выглядывал угол переплёта.

Вера аккуратно забрала журнал и положила на колени. Обложка была влажной. На сером картоне проступили бурые разводы — не кровь, а вода, поднявшаяся из трещин в камне. Она открыла книгу на последней заполненной странице. Почерк архивиста бледнел к краям, но дата читалась ясно: двенадцатое октября, девятнадцать лет назад.

Ниже стояла короткая запись:

«Допуск произведён по правилу согласия».

— Вот, — сказала Вера. — Что это за правило?

Сазонов взглянул на строчку и закрыл глаза.

— Никакого правила не было.

— Вы только что его читали.

— Запись была. Правила — нет.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я искал его двадцать лет.

Вера перелистнула страницу.

— Значит, вы знали о журнале.

— Я знал, что в архиве хранились записи о входах. Не знал, где именно.

— Вы пришли туда не случайно.

— Вы тоже.

— Я пришла по письму.

— А я — по свидетельству.

У стойки регистрации внезапно появился Артём Мельник. В руке он держал прозрачный файл, прижатый к груди, и выглядел так, будто всю дорогу сюда шёл быстрым шагом: волосы намокли, на плечах тёмного пальто блестели капли. Он увидел Веру, затем Сазонова, потом журнал.

— Хорошо, — сказал Артём. — Вы нашли его.

Вера встала.

— Что именно?

— Свидетельство.

— Ты знал, что он там?

— Знал, что Сазонов ищет журнал. Не знал, успеет ли.

Сазонов усмехнулся.

— Мельник всегда приходит тогда, когда уже можно изображать полезность.

— А вы всегда говорите так, будто вас избили исключительно из чувства ответственности.

— Меня действительно избили из-за ответственности.

— Тогда расскажите, из-за чьей.

Между ними повисла резкая тишина. Вера забрала у Артёма файл.

— Что внутри?

— Показания человека, который видел открытие двери в доме на Фонарной. Независимая копия, заверенная у нотариуса три года назад. Оригинал у него дома, но копия подшита к делу о реконструкции квартала.

— Кто свидетель?

— Нина Петровна Левина. В девятнадцать лет она работала ночной дежурной в соседнем доме.

Сазонов медленно поднял голову.

— Левина ещё жива?

— И помнит больше, чем хотелось бы тем, кто рассчитывал на её молчание, — ответил Артём.

Вера раскрыла файл. На первой странице стояли дата, подпись и номер нотариального действия. Вторая была исписана неровным почерком:

«В ночь с двенадцатого на тринадцатое октября я видела у чёрного входа в дом № 6 мужчину в сером плаще и женщину, которую позже узнала как Елену Воронцову. Женщина не сопротивлялась. Мужчина сказал: “Вы сами согласились”. После этого дверь открылась».

Вера перечитала фразу дважды.

— Позже узнала? — спросила она.

— Левина видела Воронцову на заседаниях по расселению, — сказал Артём. — Они не были знакомы близко.

— Значит, свидетельство не подтверждает, что Воронцова дала согласие добровольно.

— Оно подтверждает, что она не сопротивлялась, — возразил Сазонов.

— Это не одно и то же.

— Для двери, возможно, одно.

Вера повернулась к нему.

— Для двери — может быть. Для человека — нет.

Сазонов стиснул челюсть. На его лице проступила боль, и на мгновение Вера подумала, что он снова теряет сознание. Но он удержался.

— Вы хотите закрыть дверь, пока город продолжает искать вход, — сказал он. — Если Воронцова действительно согласилась, её согласие может быть единственным способом пройти дальше.

— Мы не знаем, на что именно она согласилась.

— Зато знаем, что без этого согласия люди будут входить вслепую.

— Люди? — Вера перевела взгляд на Артёма. — Ты тоже так думаешь?

Он не ответил сразу. В коридоре хлопнула дверь, и из кабинета вышла медсестра с пачкой бланков.

— Я думаю, — сказал Артём, — что согласие нельзя превращать в отмычку только потому, что нам не хватает других доказательств.

— Очень удобно, — бросил Сазонов. — Особенно когда вы сами принесли свидетельство о том, что отмычка существует.

— Я принёс свидетельство о давлении.

— В тексте нет слова «давление».

— В тексте мужчина говорит женщине: «Вы сами согласились». Но ни её ответа, ни самого согласия там нет. Этого недостаточно, чтобы считать происходящее добровольным.

Вера снова посмотрела на документ. Подпись Левиной была размашистой, с длинным хвостом у последней буквы. На полях стояла отметка нотариуса. Бумага выглядела обычной — такой, какую можно было бы найти в любой папке с городскими жалобами. Но именно это и тревожило: независимое свидетельство не обещало ответа, оно отнимало удобную версию.

— Когда вы получили копию? — спросила она.

— Сегодня утром.

— От кого?

— От самой Левиной.

— Почему она ждала столько лет?

— Потому что боялась, что её сына уволят из управления портовой охраны.

Сазонов резко выпрямился.

— Его уже уволили.

Артём посмотрел на него.

— Месяц назад.

— За что?

— За то, что он отказался подписать акт о сносе технического корпуса на Фонарной.

Вера почувствовала, как внутри складываются разрозненные даты. Двенадцатое октября — открытие двери. Три года назад — нотариальное свидетельство. Месяц назад — увольнение сына Левиной. Сегодня — нападение в архиве.

— Левина может подтвердить показания лично? — спросила она.

— Да. Она живёт на улице Прибрежной, дом сорок два.

— Тогда едем к ней.

— Вы никуда не поедете, — раздался голос врача. — По крайней мере, пока не дождётесь осмотра.

Сазонов попробовал подняться, но пошатнулся. Вера удержала его за плечо. Он дёрнулся, словно хотел оттолкнуть её, однако остановился.

— Я сам.

— Тогда стойте сами, — сказала Вера и убрала руку.

В этот момент телефон Артёма завибрировал. Он взглянул на экран, и выражение его лица изменилось.

— Что? — спросила Вера.

Артём показал сообщение. Оно пришло с незнакомого номера.

«Не приводите Бережную к Левиной. Она уже заплатила за первое свидетельство».

Вера подняла глаза.

— Ты получил это сейчас?

— Да.

— А кто знает, что мы собираемся к ней?

Артём молчал.

Сазонов медленно опустился обратно на стул. Впервые с момента выхода из архива он выглядел не злым, а испуганным.

— Адрес был только в показаниях, — сказал он.

Вера закрыла файл и прижала его к груди.

— Значит, копию читали не только мы.

За стеклянными дверями приёмного отделения туман сгушался над улицей, и жёлтый свет фонаря расплывался в нём мутным пятном. Где-то в городе человек, знавший их следующий шаг, уже двигался к дому Нины Левиной.

Вера не сразу ответила. Она смотрела на сообщение, пока буквы не начали расплываться от усталости.

— Сазонов, у вас есть телефон Левиной?

— В архивной карточке был домашний. Я его запомнил.

— Называйте.

Он продиктовал номер, а Артём уже набирал его со своего телефона. Гудки шли долго. В приёмном отделении пахло антисептиком, мокрой одеждой и дешёвым кофе из автомата. За стеклом медсестра перелистывала журнал, не поднимая головы.

На пятом гудке трубку сняли.

— Аллю?

Голос оказался женским, низким и осторожным.

— Нина Петровна Левина? — спросила Вера.

На другом конце повисла пауза.

— Кто спрашивает?

— Вера Бережная. Мы нашли ваше нотариальное свидетельство по делу о техническом корпусе на Фонарной улице. Сегодня на архив напали. Нам сказали, что вы можете подтвердить обстоятельства, при которых подписывали документ.

— Я ничего не буду подтверждать по телефону.

— И правильно, — сказала Вера. — Я не прошу вас сообщать подробности. Только хочу предупредить: кто-то знает о нашем намерении приехать к вам.

Тишина стала плотнее.

— Кто-то уже приезжал, — ответила Левина. — Днём.

Артём поднял взгляд. Вера включила громкую связь.

— Сколько их было?

— Двое. Один назвался сотрудником администрации района. Второй молчал. Они спрашивали, не приходил ли ко мне Артём Мельник.

Артём отвернулся к окну.

— Что вы им сказали? — спросила Вера.

— Что не знаю такого человека.

— Вы его знали?

— Да. Утром он забрал у меня копию свидетельства. Но тем двоим я этого не сказала.

В голосе Левиной не было упрёка, но Артём всё равно сжал челюсть.

— Они оставили что-нибудь? — спросил он.

- Нет. Только после них у меня пропал конверт.
- Какой конверт?
- Старое письмо. От человека, который заставил меня подписать свидетельство. Вера почувствовала, как Сазонов за соседним стулом шумно втянул воздух.
- Вы помните имя?
- На письме его не было. Но там был адрес. И одна фраза, которую я сначала приняла за угрозу.
- Какая?
- Левина снова замолчала. Потом произнесла:
- «Правило действует, пока его бояться нарушить».
- Артём нахмурился.
- Что за правило?
- Мне сказали, что никто не имеет права входить в технический корпус без согласия смотрителя. Я спросила, где это записано. Мне ответили: «Везде, где нужно».
- Вера посмотрела на Сазонова. Он сидел неподвижно, прижав ладонь к боку.
- Вы подписали свидетельство три года назад, — сказала она. — Почему не обратились сразу?
- Потому что тогда у меня ещё был сын. И работа у него была.
- Теперь работы нет.
- Теперь у него нет работы, а у меня всё равно остался страх.
- Из коридора донёсся скрип колёс. Врач прошёл мимо, заглянул в палату и жестом показал Сазонову, чтобы тот не вставал. Артём заметил это и убрал телефон от края стола.
- Нина Петровна, — сказал он, — если мы не приедем, вы сможете передать нам копию письма?
- Копии нет.
- А где оно было?
- В жестяной коробке из-под леденцов. Обычная синяя коробка, с царапиной на крышке. Я держала там документы, пока сын не сказал, что бумагу могут забрать.
- Коробка осталась?
- Да.
- Письмо исчезло, коробка нет?
- Коробка стоит на месте. В этом и беда.
- Вера почувствовала раздражение, почти злость. Не на Левину — на человека, который хотел, чтобы пропажа выглядела случайностью.
- Нина Петровна, вы сейчас дома одна?
- Соседка у себя. Мария Павловна, квартира напротив. Она слышала разговор с теми мужчинами.
- Попросите её не открывать дверь незнакомым людям, — сказала Вера. — И никому не сообщайте, что мы едем.
- Вы всё-таки приедете?
- Вера посмотрела на Артёма. Тот не кивнул и не возразил.
- Не я, — ответила она. — По крайней мере, не сейчас.
- На другом конце слышался короткий выдох, похожий на облегчение.
- Тогда кто?
- Артём Мельник. И человек, которого вы уже видели в архиве, Сазонов. Но Сазонову нужно оставаться в больнице.
- Пусть Артём приходит, — сказала Левина. — А вы всё равно будете участвовать?
- Да. Но решение, говорить с нами или нет, останется за вами. Вы не обязаны открывать дверь и не обязаны подписывать новые бумаги.

Левина долго молчала.

— Вы говорите не так, как они.

— Кто?

— Те, кто приходил днём. Они сказали, что если я откажусь, это будет означать, будто мне есть что скрывать.

— Это не согласие, — сказала Вера. — Это давление.

Она произнесла последнюю фразу спокойно, но Артём посмотрел на неё так, словно услышал не определение, а обещание.

Левина согласилась принять Артёма через двадцать минут. Вера должна была оставаться в больнице и ждать звонка. Договорились, что разговор начнётся только после того, как Левина сама позвонит с его телефона на номер Веры. Если связь оборвётся, Артём немедленно уйдёт.

— Вам нравится составлять правила? — спросил Сазонов, когда звонок закончился.

— Только те, которые все понимают и могут отменить.

— А если Левина передумает?

— Она передумает. И мы уйдём.

Сазонов усмехнулся, но в усмешке не было веселья.

— Вы думаете, так можно работать с людьми, которые привыкли брать силой?

— Иначе мы станем похожи на них.

Артём достал ключи.

— Я поеду один.

— Нет.

— Вы сами сказали, что не поедете.

— Я сказала, что не приведу себя к ней. Это не значит, что я позволю тебе ехать без свидетеля.

— Свидетелем будет соседка.

— Она свидетель разговора. Не твоих действий по дороге туда и обратно.

Артём положил ключи на столик.

— Вы мне не доверяете.

— Доверие не заменяет проверку.

— А проверка не всегда означает недоверие.

— В нашем деле обычно означает.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Между ними стоял пластиковый стаканчик с водой, который Сазонов так и не взял.

— Я могу вызвать машину, — сказала Вера. — Ты поедешь к Левиной, я останусь на связи. Но сначала мы проверим, не следят ли за выходом.

— Вы собираетесь изображать детектив?

— Я собираюсь не привести человека под наблюдение прямо к нужному адресу.

Они вышли из приёмного отделения через боковую дверь, ведущую во двор. Дождь почти закончился, зато туман стал гуще. За кирпичной стеной больницы гудела Прибрежная улица. Артём остановился под навесом и осмотрел парковку.

— Серый фургон, — сказал он.

У тротуара стоял старый грузовой автомобиль без опознавательных знаков. Внутри не горел свет. На лобовом стекле блестели капли.

— Он был здесь, когда мы приехали? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Вот именно.

Она достала телефон и сфотографировала номер. В этот момент фургон тронулся. Машина медленно выехала со двора, свернула к набережной и скрылась в тумане.

— Слишком заметно, — сказал Артём.

— Заметность тоже бывает способом напугать.

— Или они поняли, что мы их увидели.

Вера вызвала такси не к дому Левиной, а к аптеке на соседней улице. Пока они ждали, Артём стоял под навесом, засунув руки в карманы пальто.

— Вы не сказали Сазонову, что нашли письмо, — произнёс он.

— Мы не нашли.

— Вы поняли, о каком письме речь.

— Поняла, что оно связано с документом Левиной. Это разные вещи.

— Вера...

— Не надо.

— Я не собирался вас уговаривать.

— Тогда почему произнесли моё имя таким голосом?

Он взглянул на неё. В тусклом свете подъездного фонаря лицо его казалось уставшим и старше, чем утром.

— Потому что письмо может подтвердить, что давление было не случайным. Если его забрали те же люди, нужно вернуть его до того, как его уничтожат.

— И ради этого вы готовы подвергнуть Левину риску?

— Нет.

— А ради того, чтобы защитить её, вы готовы использовать её страх?

— Нет.

— Тогда что именно вы готовы сделать?

Артём отвёл взгляд к мокрой дороге.

— Попросить её разрешения. И принять отказ.

Такси остановилось у аптеки. Вера села на переднее сиденье, Артём — сзади. Они не произнесли ни слова, пока машина не выехала на Прибрежную. Водитель включил радио, но Вера попросила выключить. Туман за окнами превращал фонари в размытые жёлтые круги.

Через десять минут Артём вышел у перекрёстка, а Вера попросила водителя проехать дальше и остановиться у закрытого цветочного магазина. Оттуда она видела часть улицы и могла наблюдать за домом сорок два, не подходя к подъезду.

Дом оказался четырёхэтажным, с облупившимся фасадом и широким козырьком над входом. На третьем этаже горело два окна. В одном двигалась фигура. Артём вошёл в подъезд и почти сразу исчез из поля зрения.

Вера позвонила Сазонову.

— Вы слышите меня?

— Слышу.

— Мы у дома Левиной. Артём вошёл.

— А вы где?

— Наблюдаю.

— Не вмешивайтесь, если не понадобится.

— Это вы мне говорите?

— Я ранен, а не глуп.

За стеклом цветочного магазина отражался её собственный силуэт. Вера заметила движение у противоположного подъезда: мужчина в тёмной куртке остановился под водосточной трубой и поднял телефон. Он не смотрел на дом Левиной. Он смотрел туда, где стояло такси.

Вера положила руку на дверную ручку, но не открыла её. Мужчина повернул голову, словно услышал движение сквозь закрытое стекло. Потом быстро пошёл к углу.

— Сазонов, — сказала Вера, — у дома кто-то есть.

— Уходите.

— Артём внутри.

— Тем более уходите.

Вера уже набирала номер Артёма, но он не отвечал. В ту же секунду на третьем этаже погас свет.

Потом зажглось окно напротив — квартира Марии Павловны. В нём мелькнула пожилая женщина, резко отступившая от занавески.

Телефон Веры завибрировал. Звонил Артём.

— Говори.

— Левина открыла дверь, — сказал он тихо. — Но письмо исчезло не сегодня. И человек, который его забрал, оставил после себя одну вещь.

— Какую?

— Сейчас увидите. Только не заходите в подъезд.

— Почему?

— Потому что тот мужчина вернулся.

Вера посмотрела на зеркало заднего вида. В конце улицы, у фонаря, возникла фигура в тёмной куртке. Он шёл медленно, не скрываясь, и держал в руке маленький предмет, блестящий в жёлтом свете.

Вера узнала его прежде, чем успела разглядеть форму.

Это была синяя жестяная коробка из-под леденцов.

Синяя жестяная коробка из-под леденцов.

Вера помнила её по фотографии из папки. На снимке коробка стояла на краю письменного стола Воронцовой, рядом с раскрытым блокнотом и стаканом воды. Тогда она показалась случайной деталью, одной из тех, которые фотограф попросту не заметил. Теперь коробка была в руке человека, шедшего к дому Левиной.

— Артём, — сказала Вера в телефон. — Он с коробкой.

— Я знаю.

— Откуда?

— Левина сказала.

— Почему ты не вышел?

— Потому что дверь заперта снаружи.

Вера резко повернула голову к подъезду.

— Что?

— Я не заперт. Я проверяю лестницу. Входную дверь заклинило чем-то с внешней стороны. Если выйду через парадный, окажусь прямо перед ним.

Мужчина уже миновал фонарь. Лицо его оставалось в тени, зато стала видна походка: он прихрамывал на левую ногу, чуть волоча подошву. В руке он держал не просто коробку — пальцы сжимали её так, будто внутри лежало что-то тяжёлое.

— У тебя есть другой выход?

— Через двор. Но там открытые окна первого этажа, а Левина боится, что за домом наблюдают.

— Она видит этого человека?

— Видит. И не хочет, чтобы я подходил к окну.

Вера посмотрела на третий этаж. Окно Марии Павловны снова погасло. В квартире Левиной света не было, но за занавеской двигалась тень.

Человек в тёмной куртке остановился у подъезда и поднял коробку к лицу. Он не звонил. Просто ждал.

— Я выйду, — сказала Вера.

— Нет.

— Ты сам только что сказал, что дверь заклинило.

— Вера, не надо превращать это в соревнование.

— Я не превращаю. Я нахожусь в машине, которую он уже заметил. Если он пришёл за Левиной, я для него не менее удобна, чем ты.

— Именно поэтому не выходи.

— Тогда скажи, что в коробке.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Не знаю.

— Ты видел её раньше?

— Видел.

— Где?

— У Воронцовой. За два дня до её смерти.

Вера крепче сжала телефон.

— И всё это время ты молчал?

— Я не был уверен, что это та же коробка.

— А сейчас уверен?

— Да.

Мужчина внизу повернул голову. Вера поняла, что он смотрит прямо на цветочный магазин, и опустилась ниже спинки сиденья. Водитель испуганно покосился на неё в зеркало.

— Едем? — спросил он.

— Пока нет. Заглушите двигатель.

Он подчинился, и в салоне стало слышно, как по крыше барабанит дождь.

— Артём, — прошептала Вера, — что ты нашёл у Левиной?

— Не то, что искали.

— Это не ответ.

— Старую копию заявления. Левина писала его в девяносто восьмом году, когда из городского архива исчезла папка по дому на Фонарной. Но копия не зарегистрирована.

— Почему?

— Потому что на ней нет входящего номера. Есть только дата, подпись Левиной и отметка свидетеля.

— Чьего?

— Марии Павловны.

У Веры пересохло во рту.

— Она видела, как заявление принимали?

— Видела, как Левина отдавала его человеку из архива.

— Кому?

— Она не помнит фамилию. Но помнит лицо. И утверждает, что это был не Сазонов.

Человек у подъезда поднял руку. На мгновение Вере показалось, что он собирается бросить коробку в окно. Но мужчина всего лишь постучал ею по металлической двери — один раз, затем второй.

В квартире Левиной вспыхнул свет.

— Он пришёл не за письмом, — сказал Артём. — Он хочет проверить, одна ли она.

— Или напугать её.

— Вера, послушай меня. Не подходи к подъезду.

— Я подойду к Марии Павловне.

— Через другой вход.

— У неё дверь выходит на лестничную площадку?

— Да, на третий этаж. Но...

— Если она видела человека, который забрал заявление, мы не можем оставлять её одну.

— Мы не знаем, можно ли ей доверять.

— Доверие не равно безопасности. Я позвоню ей и попрошу открыть только после того, как услышу её голос.

— А если она не откроет?

— Тогда не войду.

Вера набрала номер, который Левина продиктовала ей в машине. Длинные гудки растворялись в шуме дождя. Мужчина у подъезда поднял лицо к окнам.

— Да? — раздался слабый голос.

— Мария Павловна, это Вера Бережная. Я у вашего дома. Вы меня слышите?

— Слышу.

— Откройте мне дверь, если можете. Я не одна.

— Не надо сюда приходить.

— Почему?

— Он уже пришёл.

— Вы знаете его?

На том конце послышалось тяжёлое дыхание.

— Я знаю походку.

Вера взглянула на мужчину. Тот снова поднял коробку, и тусклая синяя эмаль блеснула под фонарём.

— Вы видели его в девяносто восьмом?

Молчание стало ответом раньше, чем слова.

— Где вы это слышали?

— От Левиной. У неё есть копия заявления.

— У неё не должно было ничего остаться.

— Кто забрал оригинал?

Мария Павловна не ответила. Внизу мужчина резко дёрнул дверь подъезда. Металл глухо ударился о косяк.

— Мария Павловна, — сказала Вера, — если вы знаете, кто это, назовите его.

— Он тогда был молодым, — прошептала старуха. — И работал не в архиве. Он приходил с человеком из управы.

— С каким?

— С Мельником.

Артём слышал фамилию через телефон и тихо выругался.

Вера не сразу поняла, что Мария Павловна говорит о нём.

— С каким Мельником?

— Не с Артёмом. С его отцом.

Внизу мужчина отступил от двери. Вера заметила, как в его свободной руке блеснуло что-то металлическое. Не нож — узкая монтировка или отвёртка.

— Артём, — сказала она, — твой отец был связан с архивом?

— Нет.

— Мария Павловна утверждает обратное.

— Мой отец работал в управлении благоустройства. Он подписывал акты по зданиям, не занимался документами.

— Она говорит, что видела его с человеком, который забрал заявление.

— Мой отец умер в девяносто девятом. Я был в другом городе и не знаю, что он делал в тот год.

— Ты никогда не проверял?

— Проверял. Но не это.

У Веры внутри поднялось знакомое, неприятное чувство: не подозрение даже, а необходимость заново расставить границы между фактами и чужой болью. Артём не обязан отвечать

за отца. Но если его фамилия стояла рядом с исчезнувшим документом, скрывать это было нельзя.

- Почему ты не сказал мне, что отец мог быть связан с домом на Фонарной?
- Потому что не мог подтвердить связь. И потому что знал, как это прозвучит.
- А сейчас?
- Сейчас прозвучит ещё хуже.

Мужчина у подъезда внезапно направился к машине.

- Он идёт сюда, — сказал водитель.

Вера убрала телефон от уха и посмотрела на улицу. До такси оставалось метров двадцать.

Мужчина шёл прихрамывая, но быстро. Коробка исчезла в кармане куртки.

- Вера, уходи, — приказал Артём.
- Нет.

Она открыла дверь и вышла под дождь.

Мужчина остановился. Лицо его оказалось старше, чем Вера ожидала: около пятидесяти, глубокая складка от носа к губам, редкие волосы, мокрые от дождя. Взгляд был не злым — оценивающим.

- Вы Бережная? — спросил он.
- А вы кто?
- Человек, который пришёл предупредить.
- О чём?

Он достал из кармана синюю коробку и протянул её Вере.

- О том, что письмо Левиной вам не принадлежит.
- Я его не брала.
- Но ищите.
- Ищу не письмо. Я ищу того, кто подменил страницу в архивном журнале.
- Это одно и то же.
- Нет.

Мужчина усмехнулся.

- Вы похожи на Воронцову.
- Мы не были знакомы.
- Поэтому и похожи. Обе думаете, что если назвать вещь правильно, она перестанет быть опасной.

Вера не взяла коробку.

- Что внутри?
- Откройте.
- Сначала представьтесь.
- Руднев. Михаил Сергеевич.

Имя ничего ей не сказала, но Артём на линии вдруг произнёс:

- Вера, не бери.

Руднев услышал его голос и перевёл взгляд на телефон.

- Мельник тоже там?
- Он там, где должен быть.
- Значит, всё повторяется.
- Что именно? — спросила Вера.

Руднев сжал коробку.

— Сначала они находят человека, который согласен помочь. Потом убеждают его, что отказ поставит под угрозу всех остальных. А когда он подписывает, что нужно, называют это добровольным решением.

Вера почувствовала, как холод пробирается под воротник.

— Вы говорите о Левиной?

— Я говорю о тех, кто приходил к ней двадцать шесть лет назад.

— Вы были свидетелем?

— Я был тем, кто принёс папку.

— Откуда?

Руднев оглянулся на дом. На третьем этаже шевельнулась занавеска.

— Из архива.

— Вы работали там?

— Нет. Но видел, как документы выносили.

— Почему молчали столько лет?

— Потому что мне объяснили цену правды.

— Чем?

Руднев посмотрел на синюю коробку.

— Вот этим.

Он открыл крышку. Внутри лежал сложенный вчетверо лист, перевязанный выцветшей бечёвкой, и маленький латунный жетон с выбитым номером 17.

Вера не коснулась ни того, ни другого.

— Это не доказательство. Это предметы.

— На листе подпись вашего Сазонова.

— Он не мой.

— Тогда ваша ошибка начинается раньше, чем вы думаете.

Из подъезда донёсся резкий скрежет. Дверь открылась. Артём вышел на улицу, придерживая ладонью бок, и остановился между Верой и Рудневым.

— Отойдите от неё.

Руднев посмотрел на него внимательно.

— Ты сын Виктора Мельника?

— Да.

— Тогда ты знаешь, где он был третьего октября девяносто восьмого.

— Нет.

— Лжёшь.

— Я сверял его командировочные записи. В тот день он был в Северном порту.

— Записи появились позже.

Артём сделал шаг вперёд.

— У вас есть доказательство?

Руднев протянул ему лист.

— Есть свидетельство человека, который видел его в архиве.

Артём не взял бумагу.

— Чьё?

— Моё.

Вера впервые увидела, как у него изменилось лицо. Не страх — удар, которому он не позволил стать выражением.

— Вы утверждаете, что мой отец был в архиве?

— Утверждаю, что он пришёл туда вместе с начальником отдела и забрал заявление Левиной.

— А вы подписали это?

— Нет. Я написал, что видел.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Почему не двадцать шесть лет назад?

Руднев отвёл взгляд.

— Потому что тогда согласие не спрашивали. Меня заставили молчать.

Вера посмотрела на лист, на коробку, на человека, который принёс им правду слишком поздно, чтобы она могла остаться без последствий.

— Вы хотите, чтобы мы использовали ваше свидетельство?

— Я хочу, чтобы вы вернули коробку Левиной.

— Почему?

— Потому что внутри не только моё заявление. Там копия её отказа.

— Отказа от чего?

Руднев сжал губы.

— От передачи дома под снос.

Сверху раздался крик Марии Павловны. Артём рванулся к подъезду, но Вера схватила его за рукав.

— Не один.

Он понял сразу. Руднев тоже услышал крик и отступил на шаг.

— Вы сказали, что пришли предупредить, — резко сказала Вера. — Тогда идите со мной. Не исчезайте.

— Если войду, меня убьют.

— Если уйдёте, убьют её.

Руднев посмотрел на коробку, затем на тёмные окна третьего этажа.

— До сегодняшнего дня я не открывал её двадцать шесть лет.

— Значит, откроете ещё раз при свидетелях.

Вера первой направилась к подъезду. Артём пошёл следом, а Руднев после короткого колебания спрятал коробку во внутренний карман и закрыл за собой дверь. Впервые за эту ночь они вошли внутрь не как союзники, а как люди, чьи прошлые решения теперь лежали на одной лестничной площадке.

На лестнице пахло мокрой штукатуркой, керосином и чем-то горелым. Крик Марии Павловны оборвался так внезапно, что тишина после него показалась ещё страшнее.

Вера поднялась первой. Артём держался на полшага позади, не касаясь стены, будто боялся оставить на ней след. Руднев замыкал их, тяжело дыша и то и дело поглядывая вниз.

На площадке третьего этажа дверь квартиры Марии Павловны была приоткрыта. Изнутри тянуло холодом. Окно в дальней комнате, вероятно, распахнули настежь, и дождь стучал по подоконнику.

— Мария Павловна? — позвала Вера.

Ответа не было.

Артём поднял руку, останавливая её.

— Вера.

На полу перед дверью лежала перевёрнутая табуретка. Рядом валялась фарфоровая чашка, расколотая на две крупные части. Крови не было, но на белой стене темнела свежая полоса — кто-то ударился плечом или головой.

— Она внутри, — тихо сказал Руднев. — Я слышал её голос.

— Откуда вы знаете, что это не ловушка?

— Потому что ловушки ставят для тех, кто приходит один.

Он прошёл мимо них и толкнул дверь. Вера схватила его за локоть, но он уже оказался в прихожей.

— Руднев!

Из глубины квартиры донёсся глухой шум, затем короткое ругательство. Артём вошёл следом. Вера переступила порог последней и сразу увидела Марию Павловну: старуха сидела у

кухонного стола, прижав ладонь к виску. Над ней стоял незнакомый мужчина в тёмной куртке. Лица его Вера не разглядела — капюшон был натянут почти до подбородка.

Он держал в руке небольшой металлический предмет.

— Отойдите от неё, — сказал Артём.

Незнакомец повернулся. В его руке оказался не нож, а короткий ломик, которым открывали замки или ящики. На конце поблёскивала вода.

— Поздно, — произнёс он. — Здесь уже нечего искать.

— Тогда почему вы всё ещё здесь? — спросила Вера.

Мужчина дёрнул плечом и попятился к окну. Руднев достал из внутреннего кармана синюю коробку и поставил на кухонный стол. Открыв крышку, он вынул неглубокий вкладыш со сложенным листом и жетоном. Под ним, плотно пригнанные друг к другу, лежали бумаги, жестяная коробочка из-под леденцов и старый конверт с бурым пятном на краю. Между бумагами виднелся край учётной карточки.

Незнакомец вдруг метнулся к столу. Его ладонь скользнула по документам; Руднев потянул коробку к себе, и несколько листов рассыпались по столешнице. Мужчина отдёрнул руку и снова отступил к окну.

— Вы трогали документы? — Вера шагнула к столу.

— Не подходите, — предупредил мужчина.

— Вы уже подошли к ним сами. Теперь вопрос только в том, успели ли вы что-нибудь вынести.

Он взглянул на карман куртки. Едва заметное движение, но Артём его заметил.

— Вера, назад.

Мужчина резко бросился к окну. Артём перехватил его у подоконника, но тот ударил его ломиком под рёбра. Артём согнулся, хватка ослабла. Незнакомец оттолкнул его и полез наружу.

Окно выходило на узкий пожарный балкон, соединённый с соседним подъездом. Дождь сделал металлические перила скользкими. Мужчина уже перебросил ногу через раму, когда Руднев схватил его за воротник.

— Не снова, — выдохнул он.

Незнакомец обернулся и ударил его локтем. Руднев пошатнулся, но не отпустил. Вера увидела, как из кармана куртки выпал конверт, скользнул по мокрому подоконнику и застрял у батареи.

— Артём, конверт!

Он поднялся, прижимая ладонь к боку, и достал его раньше, чем мужчина успел вырваться. Незнакомец всё-таки сорвался с руки Руднева и прыгнул на балкон. Металл глухо загудел. Через секунду хлопнула дверь соседней квартиры, затем послышались быстрые шаги вниз.

Артём хотел броситься следом, но Вера остановила его.

— Не сейчас. Вы ранены.

— Он уйдёт.

— А Мария Павловна останется с разбитой головой. Выбирайте.

Артём стиснул зубы. Руднев медленно опустился на табуретку, держась за кисть. Вера закрыла окно, потом проверила замок на балконной двери. Тот был выломан из рамы.

— Вы его знали? — спросила она.

Руднев молчал.

— Руднев.

— Нет.

— Вы сказали «не снова».

Он посмотрел на неё снизу вверх. В его глазах впервые не было ни вызова, ни усталого презрения — только растерянность человека, которого догнало собственное прошлое.

— Двадцать шесть лет назад такой же человек стоял у архивной двери, — сказал он. — Только моложе. Я не видел лица. Он приказал мне передать папку начальнику и забыть, что видел заявление Левиной.

— Приказал? Или вы сами решили, что так безопаснее?

— Разницы не было.

— Разница есть всегда.

Мария Павловна слабо застонала. Артём подошёл к ней, осторожно убрал ладонь от виска. На коже выступила кровь, но рана оказалась неглубокой.

— Нужно вызвать скорую, — сказал он.

— Нет, — прошептала она.

— Вы потеряли сознание?

— Нет.

— Тогда всё равно вызовем.

— Не надо в больницу. Там меня будут расспрашивать.

— Вас уже расспрашивают те, кто ломает окна, — сухо заметила Вера. — Скорая нужна не для их удобства.

Старуха посмотрела на неё и вдруг улыбнулась — без радости, почти виновато.

— Вы говорите, как моя дочь.

— Ваша дочь тоже не соглашалась, чтобы за неё решали?

Мария Павловна отвела глаза.

На столе Вера раскрыла конверт. Бумага внутри была тонкой, серой от времени. На ней стояла дата: третье октября тысяча девятьсот девяносто восьмого года. Под датой — машинописный текст, а внизу подпись.

«Я, Лидия Андреевна Левина, отказываюсь от передачи дома по адресу: улица Фонарная, дом 6, в муниципальную собственность для последующего сноса...»

Дальше шли две страницы с перечислением причин: дом не признан аварийным, жильцам не предложено равноценное помещение, заключение комиссии не предъявлялось. Подпись была чёткой, поставленной твёрдой рукой.

— Это её отказ, — сказал Руднев. — Я говорил.

— Оригинал?

— Копия.

— Где оригинал?

Он посмотрел на жестяную коробочку.

Вера открыла её. Внутри, под ватой, лежал обычный канцелярский ключ с плоской бородкой. На кольце виднелась синяя чернильная метка — цифра 17.

— Вот почему жетон, — сказала Вера. — Ящик семнадцать?

— Не ящик, — ответила Мария Павловна.

Все повернулись к ней.

Она медленно поднялась, придерживаясь за стол. Артём хотел помочь, но она отстранила его.

— Не надо. Я сама.

Мария Павловна подошла к буфету и вынула из-за стопки тарелок старую деревянную коробку. Вера видела её раньше — обычный предмет, покрытый царапинами, с выцветшим рисунком яблок на крышке. Старуха поставила коробку на стол и долго не решалась открыть.

— Лидия оставила это у меня в ночь перед тем, как исчезла, — сказала она. — Попросила никому не отдавать. Потом пришёл Виктор Мельник.

Артём застыл.

— Мой отец?

— Он сказал, что Лидия сама передумала. Что бумаги лучше уничтожить, пока из-за них не пострадали люди.

— А вы поверили?

— Я была трусихой, мальчик. Но не слепой.

Она открыла деревянную коробку. В двойном дне лежала узкая полоска бумаги, сложенная несколько раз. Вера развернула её и увидела схему старого архивного помещения: коридор, лестница, помещение с регистрационными шкафами. В боковой стене красным карандашом была отмечена дверь без номера.

Рядом стояла подпись Лидии Левиной и дата — четвёртое октября 1998 года.

— Это не план дворца, — сказал Артём, наклоняясь к листу. — Это схема архива.

— Архив находился в здании бывшей городской управы, — ответила Вера. — Но здесь обозначен проход из подвала. Его нет в реестре помещений.

— Потому что дверь замуровали, — тихо сказал Руднев. — После того как забрали заявление.

Вера снова посмотрела на копию отказа. На нижнем поле, почти незаметно, проступал отпечаток прямоугольной печати. Часть букв сохранилась: «...получено лично...».

— Кто-то получил отказ, — произнесла она. — Но не зарегистрировал его.

— Сазонов? — спросил Артём.

— Подпись на копии не его. Здесь другая рука.

Руднев поднялся и подошёл к столу.

— Дайте посмотреть.

Вера не сразу протянула ему бумагу.

— Вы не будете уносить ни один документ.

— Я не собираюсь.

— Сегодня вы уже позволили человеку вынести часть материалов.

— Он взял не бумаги, — сказал Руднев. — Он забрал карточку.

— Какую карточку?

Руднев указал на пустое место в коробке.

— Учетную. Там было имя того, кому передали отказ.

Вера ощутила, как внутри сжалось неприятное, холодное кольцо.

— Вы видели запись?

— Да.

— Чью?

Руднев поднял на неё глаза.

— Виктора Мельника.

Артём не отступил, но словно стал тяжелее.

— Вы уверены?

— Я собственноручно внёс его фамилию в журнал посетителей. Он пришёл третьего октября в девятнадцать сорок. А ушёл через двадцать минут с папкой Левиной.

— Почему в вашем свидетельстве этого нет? — спросила Вера.

— Потому что я не помнил, где спрятал копию, и боялся писать подробности без неё.

— Сегодня утром вы написали только о том, что видели моего отца.

— Я боялся сказать остальное.

— Чего?

Руднев посмотрел на Марии Павловну, на выбитое окно, на Артёма.

— Что в ту ночь дверь открыли не ключом. Её открыли фамилией.

Внизу хлопнула подъездная дверь. Кто-то вошёл в дом. Все замолчали.

Вера быстро убрала копию отказа и схему в папку, а старый конверт положила отдельно, между чистыми листами.

— Скорая уже едет, — сказала она Марии Павловне. — И полиция тоже.

— Полиция заберёт коробку.

— Только по описи. Я прослежу.

Артём стоял у окна, глядя на мокрый балкон.

— Вы думаете, это сделал мой отец?

Вера повернулась к нему.

— Я думаю, что его имя оказалось в документе, который кто-то пытался уничтожить двадцать шесть лет. Это не одно и то же.

— Но вы мне не верите.

— Я не обязана верить вам или не верить. Я обязана проверить дату, подпись и цепочку передачи.

Он усмехнулся без веселья.

— Иногда это звучит хуже обвинения.

— Потому что обвинение можно отвергнуть. Проверку — нет.

У двери слышались голоса фельдшеров. Руднев сжал пальцы, будто хотел что-то добавить, но промолчал. Вера заметила это и закрыла папку.

— Вы пойдёте с нами, — сказала она. — Дадите официальное объяснение. Не в подъезде и не на улице.

— А если я откажусь?

— Тогда ваше свидетельство останется рассказом человека, который слишком долго молчал.

Руднев посмотрел на разбитое окно.

— Хорошо.

Артём повернулся к Вере.

— Я тоже пойду.

— Я не просила.

— Знаю. Но фамилия в документе моя.

Она выдержала его взгляд.

— Тогда не мешайте мне отделять вашу фамилию от вашего отца.

В коридоре появились фельдшеры, и квартира наполнилась чужими голосами, запахом медицинского спирта и быстрыми вопросами. Вера спрятала копию отказа во внутренний карман папки, понимая, что теперь у них есть не только свидетель, но и документ, способный связать старое преступление с человеком, чьё имя Артём всю жизнь защищал.

Глава 3. Цена первой ошибки

В приёмном отделении пахло хлоркой, мокрой одеждой и дешёвым кофе из автомата. Вера сидела на жёстком стуле у окна, держа папку на коленях. Артём стоял рядом, прислонившись плечом к стене, и смотрел не на неё, а на коридор, где за матовым стеклом то и дело проходили люди в белых халатах.

Сазонова увели на осмотр. Руднев остался у стойки регистрации, придерживая ладонью бок. Он выглядел старше, чем час назад: кожа стала серой, под глазами залегли глубокие тени.

— Вы ведь понимаете, что это не обычная кража? — спросил он.

— Понимаю, — ответила Вера. — Но пока не понимаю, какую именно часть правды вы готовы рассказать.

Руднев усмехнулся, но тут же поморщился.

— Я рассказал всё.

— Вы сказали, что слышали шум, поднялись на второй этаж и увидели открытый архивный шкаф. Потом появился человек в тёмном пальто, толкнул вас и убежал через лестницу.

— Так и было.

— Нет.

Он медленно повернул к ней голову.

— Вы были там?

— Я была через три минуты после вас. Дверь на улицу распахнута, дождь шёл внутрь. На камне — две цепочки следов. А вы утверждаете, что видели одного человека.

— Второй мог пройти раньше.

— Следы были свежими. В них ещё стояла вода.

Руднев отвёл взгляд. Артём перестал смотреть в коридор.

— Вера, — сказал он негромко, — не здесь.

— Именно здесь. Пока он не успел согласовать новую версию с тем, кто его нанял.

Руднев поднял глаза.

— Осторожнее.

— Это не угроза. Это просьба не заставлять меня выбирать между сочувствием к раненому человеку и обязанностью проверить его слова.

— Вы всё превращаете в обязанность?

— Нет. Только то, что может погубить другого.

У стойки регистрации зазвонил телефон. Медсестра сняла трубку, выслушала короткий ответ и посмотрела на Руднева.

— Следователь просит вас пройти в комнату для опроса, — сказала она. — Она уже там.

— Я никуда не пойду, пока не узнаю, что с Сазоновым.

— Узнаете после осмотра, — ответила Вера. — Идём.

Комната для опросов оказалась бывшим кабинетом заведующей. На стене висел выцветший плакат о донорстве, под ним стоял металлический стол. Следовательница представилась как Марина Лебедева и попросила всех сесть.

— Сначала господин Руднев, — сказала она. — Остальные подождут за дверью.

— Я остаюсь, — заявил Артём.

— Почему?

— Я указан в журнале, который похитили.

— Вы свидетель?

— Пока нет.

— Тогда не остаётесь.

Артём взглянул на Веру. Она едва заметно качнула головой. Он сжал челюсть, но вышел. Дверь закрылась.

Руднев сел напротив Лебедевой, осторожно опустив руки на стол. Вера осталась у стены.

— Расскажите по порядку, — попросила следовательница.

Руднев повторил прежнюю историю почти слово в слово. Лебедева не перебивала, только делала пометки. Когда он закончил, она открыла лежавшую перед ней папку и достала лист.

— А теперь объясните, почему ваш пропуск в архив отмечен в журнале входа в двадцать два часа сорок одну минуту, хотя вы утверждаете, что пришли туда после одиннадцати.

Руднев побледнел.

Вера почувствовала, как внутри что-то медленно сдвинулось. Пропуск. Время. Значит, кто-то уже проверил электронную систему.

— Это ошибка терминала, — сказал Руднев.

— Терминал печатает время автоматически.

— Значит, ошибка часов.

— На всех трёх камерах наблюдения?

Он промолчал.

Лебедева достала ещё один лист. Копия с отметкой архива, подписью дежурного и печатью отдела безопасности.

— В двадцать два сорок пять вы запросили дело Воронцовой. В двадцать два пятьдесят восемь отключилась камера в коридоре. В двадцать три ноль три сработала тревога на западной лестнице. После этого вы позвонили в службу спасения и сообщили, что вас ограбили.

— Я не крал журнал.

— Я этого не говорила.

Руднев посмотрел на Веру.

— Вы привели меня сюда, чтобы выставить преступником?

— Я привела вас сюда, чтобы ваши слова получили вес, если они выдержат проверку,
— ответила она.

— Вы обещали, что поможете.

— Помощь не означает согласиться с первой версией.

Его лицо дрогнуло.

— Я боялся.

— Чего?

— Что, если назову имя, они доберутся до моей дочери.

В комнате стало тихо. Даже шум из коридора будто отступил.

— Кто они? — спросила Лебедева.

Руднев закрыл глаза.

— Я не знаю.

— Но вы знаете, кто попросил вас взять дело Воронцовой.

— Знал.

— Кто?

Он не отвечал.

Вера заметила, как пальцы Руднева сжались на краю стола. Ноготь большого пальца был обломан, под ним запеклась кровь.

— Вы открыли шкаф, — сказала она. — Взяли папку, а потом кто-то пришёл за журналом. Вы решили сказать, что вас атакowali, чтобы скрыть собственный доступ.

— Я не думал, что он ударит меня.

— Кто?

Руднев взглянул на дверь.

— Человек, которого вы видели на лестнице. Он должен был только забрать журнал. Я сказал, что не отдам. Тогда он...

— А второй?

Ответа не последовало.

Лебедева постучала ручкой по столу.

— Вторая цепочка следов принадлежит женщине. Размер обуви тридцать восемь. На одном следе обнаружена частица синей краски. В архиве такой краской окрашены перила лестницы. Она прошла рядом с вами и не вмешалась.

— Я не видел лица.

— Но знали, что она там?

Руднев отвернулся.

Вера почувствовала неприятный холод. Она вспомнила, как на камне различила две дорожки и решила, что второй человек был сообщником. Это казалось очевидным. Теперь очевидность обрастала другой формой: женщина могла быть свидетелем, могла быть связана с нападавшим, могла прийти раньше и уйти позже. Но Руднев знал о ней. И скрыл.

— Вы позволили мне поверить, что вас преследовали двое, — сказала она. — Почему?

— Потому что один человек не стал бы искать меня после того, как получил журнал.

— Значит, журнал у него?

— Нет.

Руднев посмотрел на папку Веры.

— Он у вас.

Она не сразу поняла смысл этих слов. Потом вспомнила, как в архиве прижала журнал к груди, а Сазонов рванулся к лестнице. На обложке, под слоем пыли, осталась тонкая полоска синей краски.

— Вы знали, что я его вынесу.

— Я видел, как вы взяли его.

— И ничего не сказали?

— Если бы сказал, вы бы оставили его в архиве. А тот человек вернулся бы за ним.

— Вы использовали меня.

— Я пытался спасти доказательство.

Вера медленно поставила папку на стол.

— Это не одно и то же.

Руднев нахмурился.

— Иногда разница только в том, выжил ли кто-нибудь.

— Нет, — тихо ответила она. — Разница в том, имел ли человек право знать, что его втягивают в опасность.

Лебедева протянула руку.

— Журнал, пожалуйста.

Вера не двигалась.

— Он был изъят неофициально, — сказала она. — У нас нет протокола.

— Тогда сейчас будет.

Она достала журнал. На его тёмной обложке действительно виднелась синяя царапина. Лебедева надела перчатки, перелистала первые страницы и остановилась на листе с регистрационными номерами.

— Здесь вырвано несколько страниц.

— В архиве была копия, — сказала Вера. — Оригинал должен находиться в городском хранилище.

— Должен?

— Я проверяла реестр. Дело Воронцовой передали туда в девяносто восьмом году.

— А вот это что?

Следовательница развернула журнал к свету. Между страницами, у самого корешка, застрял узкий белый прямоугольник. Вера осторожно вынула его пинцетом, который Лебедева подала ей.

Это была не страница, а квитанция из городского архива. На ней стоял номер дела, дата передачи и подпись архивариуса. Ниже — регистрационная отметка, сделанная через шесть лет после официального закрытия дела.

Именно на этой отметке чернила расплылись, но фамилия читалась ясно: Мельник.

Вера почувствовала, как за дверью кто-то остановился. Артём, должно быть, услышал свою фамилию.

Лебедева посмотрела на дверь, потом на Веру.

— Документ подтверждает, что дело Воронцовой действительно находилось в городском архиве после закрытия, — сказала она. — И что доступ к нему оформлялся повторно.

— Кто подписал? — спросила Вера.

Лебедева перевернула квитанцию.

— Артём Мельник.

Дверь открылась. Артём стоял на пороге, бледный, но спокойный.

— Я не подписывал эту квитанцию, — сказал он.

Вера смотрела на его имя, отпечатанное под чужой рукой, и понимала, что впервые за весь вечер ей придётся проверить не чужую ложь, а его правду.

Артём не вошёл сразу. Он стоял на пороге, положив ладонь на дверную ручку, будто готовился не к разговору, а к обыску.

— Я не подписывал эту квитанцию, — повторил он.

Лебедева пододвинула документ ближе к настольной лампе.

— Подпись похожа на вашу.

— Похожесть не делает её моей.

— Вы уверены?

— Да.

Вера смотрела не на подпись, а на него. Бледность Артёма не была доказательством. Ни его спокойствие, ни дрогнувший голос не означали правды. Она слишком хорошо знала, как легко человек принимает собственную уверенность за свидетельство невиновности.

— Вы когда-нибудь работали в городском архиве? — спросила она.

— Нет.

— Получали доступ к делу Воронцовой?

— Нет.

— Ваша фамилия стоит в регистрационной отметке.

— Я вижу.

— Тогда объясните.

Артём коротко усмехнулся.

— Если бы мог, уже объяснил бы.

— Это не ответ.

— А у вас есть вопрос, на который я могу ответить, не угадывая, что вы хотите услышать?

Лебедева подняла глаза от бумаги.

— В каком году вы получили первый официальный пропуск в архив?

Артём замолчал.

Это длилось всего несколько секунд, но Вера успела заметить, как напряглась его челюсть. Руднев, сидевший у стены с перевязанным виском, тоже повернул голову. В комнате стало теснее, хотя никто не сдвинулся с места.

— В девяносто восьмом, — сказал Артём.

— То есть в год передачи дела Воронцовой?

— Я был стажёром.

— В городском архиве?

— При управлении имущества. Иногда нас отправляли туда сверять старые реестры.

— Иногда — это сколько?

— Три месяца.

— И вам выдавали пропуск?

— Временный.

Лебедева достала из папки ещё один лист.

— В архивном журнале посещений за август девяносто восьмого года есть запись: «Мельник А. И., сверка фонда». Дата совпадает с регистрационной отметкой на квитанции.

Вера перевела взгляд на Артёма.

— Вы сказали, что не работали в архиве.

— Я сказал, что не работал там. Это не одно и то же.

— Вы были там.

— Да.

— И имели доступ к делу.

— Не к делу. К описям.

— Откуда вы знаете?

Он отвёл взгляд к окну. За стеклом дождь тонкими струями стекал по тёмному двору больницы, размывая жёлтые пятна фонарей.

— Потому что так было оформлено.

— А подпись?

— Не моя.

Лебедева положила рядом два листа.

— Вот ваша подпись в объяснительной того же года. А вот отметка на квитанции. Эксперт сможет сказать точнее, но на первый взгляд почерк один.

Вера наклонилась над бумагами. Буква «М» действительно выглядела одинаково: первый штрих высокий, второй с заметным нажимом. Но внизу подписи различались. В одной рука словно торопилась закончить, в другой последние буквы были выведены медленно, с ненужной тщательностью.

— Это не моя подпись, — сказал Артём уже тише. — Но я знаю, почему она на квитанции.

Лебедева не поторопила его. Только закрыла ручку колпачком и откинулась на спинку стула.

— Говорите.

Артём вошёл и остановился у стола. Вера заметила, что он не смотрит на неё.

— В девяносто восьмом я потерял пропуск.

— Потеряли?

— Оставил в машине отца.

— И не сообщили?

— Нет.

— Почему?

— Потому что на следующий день пропуск оказался на месте.

— Кто вернул?

Артём провёл пальцем по краю стола. На коже осталась едва заметная серая полоска от старого лака.

— Отец.

Имя не прозвучало, но между ними оно стало ощутимым.

— Ваш отец имел доступ к машине? — спросила Лебедева.

— Он пользовался ею чаще меня. Тогда она была оформлена на него.

— Мог взять пропуск?

— Мог.

— Вы видели его в архиве?

— Нет.

— Тогда откуда знаете, что он воспользовался вашим пропуском?

— Не знаю. Теперь только предполагаю.

Вера почувствовала, как внутри поднимается раздражение — не на Артёма и даже не на его отца, а на собственную поспешность. Она уже мысленно связала подпись с человеком, который стоял перед ней. Хотела, чтобы документ оказался простым ответом. Чтобы чужая ложь обрела фамилию и лицо, а ей осталось только зафиксировать факт.

Но факт оказался сложнее.

— Вы сказали, что не подписывали квитанцию, — произнесла она. — Это правда. Но вы скрыли, что ваш пропуск мог использовать другой человек.

— Я не скрывал.

— Вы промолчали.

— Потому что это было двадцать шесть лет назад и потому что я не считал это важным.

— А теперь считаете?

— Теперь понимаю, что именно моя ошибка могла открыть ему архив.

Сазонов, до этого молчавший, хрипло усмехнулся.

— Вот видите. Опять Мельник.

Артём резко повернулся к нему.

— Вы знали?

— О пропуске? Нет. О том, что твой отец умел входить туда, куда его не звали, — да.

— Почему вы мне не сказали?

— А ты спрашивал?

Вера шагнула между ними, пока разговор не превратился в обмен обвинениями.

— Хватит. Сейчас важен не ваш семейный спор, а документ.

Лебедева кивнула и достала телефон.

— Я уже отправила запрос в архив. Нам нужны журнал выдачи временных пропусков, личное дело стажёра и оригинал регистрационной книги.

— Если оригинал сохранился, — сказала Вера.

— Сохранился, — ответил Артём. — Я видел его в девяносто восьмом.

— Вы видели книгу или дело?

— Книгу.

— Значит, сможете узнать почерк архивариуса?

— Возможно.

Лебедева посмотрела на Веру.

— Поедем туда утром.

— Нет, — сказала Вера.

Все повернулись к ней.

Она достала из папки копию отказа Руднева и положила рядом с квитанцией.

— Сначала мы оформим протокол сегодняшних показаний. И отдельно укажем, что журнал был вынесен без официального изъятия.

Лебедева нахмурилась.

— Вы хотите обвинить себя?

— Я хочу, чтобы доказательство не держалось на умолчании. Руднев использовал меня, не сказав об опасности. Я не собираюсь повторять его способ работы.

— Если журнал исчезнет до утра, — заметил Сазонов, — ваши принципы никому не понадобятся.

— Тогда обеспечьте его сохранность законно.

— Вы думаете, против вас возбудят дело?

— Думаю, если документ важен, его нельзя защищать ложью. Иначе завтра любой человек скажет, что действовал ради безопасности, а послезавтра мы обнаружим, что он просто хотел получить удобный результат.

Руднев медленно поднялся. Лицо его стало серым от боли.

— Она права.

— Не помогайте мне, — отрезала Вера.

— Я не помогаю. Я признаю, что использовал вас.

— В протоколе это тоже будет?

Руднев посмотрел на Лебедеву.

— Будет.

Сазонов резко выпрямился.

— Не надо.

— Надо, — сказала Вера.

Он сжал здоровую руку в кулак.

— Вы не понимаете, что произойдёт, если журнал попадёт не туда.

— Понимаю. Поэтому его передадут следствию.

— А если следствие закроет дело?

— Тогда у нас останется копия, опись и зафиксированная цепочка хранения. Не идеальная защита, но честная.

Артём впервые посмотрел ей прямо в глаза.

— Вы действительно готовы записать, что вас втянули без согласия?

— Да.

— Даже если это ударит по Рудневу?

— Особенно если ударит. Он взрослый человек и должен отвечать за свой выбор.

Руднев опустил голову. В его молчании не было благодарности — только усталое согласие с ценой, которую он сам назначил другим.

Лебедева начала диктовать протокол. Вера отвечала на вопросы точно: где лежал журнал, кто присутствовал, каким образом он оказался у неё, что именно сказал Руднев до и после выхода из архива. Она не смягчала формулировки и не подменяла намерение результатом. Когда дошла очередь до Артёма, тот назвал дату потери пропуска, место, где оставил его, и имя отца.

— Почему вы не сообщили об этом раньше? — спросила Лебедева.

Артём посмотрел на Веру.

— Потому что считал, что имею право защищать отца, пока не доказано обратное.

— А теперь?

Он медленно выдохнул.

— Теперь понимаю, что защищал не его. Я защищал собственное представление о нём.

Вера не ответила. Эта фраза не оправдывала его и не снимала с него вины за молчание. Но впервые за вечер он не пытался спрятаться за точностью слов.

Когда протокол распечатали, Лебедева протянула листы Вере.

— Подписывайте только то, с чем согласны.

Вера прочитала каждую страницу. Внизу, под её подписью, стояла отдельная строка: «Свидетель предупреждён о последствиях предоставления недостоверных сведений».

Она поставила подпись.

Потом ручку взял Артём.

На секунду он задержал её над бумагой, словно видел перед собой не протокол, а старую дверь, которую сам когда-то помог открыть.

— Если подпись на квитанции не моя, — сказал он, — это ещё не значит, что я ни при чём.

— Нет, — ответила Вера. — Но это значит, что обвинять вас только по фамилии нельзя.

Он подписал показания и передал лист Лебедевой.

В этот момент в коридоре зазвонил телефон. Следовательница вышла ответить, а Руднев, пошатнувшись, опёрся о стену. Вера хотела подойти, но остановилась: теперь помощь нельзя было навязывать даже из сострадания.

Артём заметил это и сам подставил Рудневу стул.

— Сядьте.

— Я не просил.

— Я тоже не просил вас использовать Веру, — сказал Артём. — Но вы всё равно сделали.

Руднев сел, тяжело дыша.

Лебедева вернулась с телефоном в руке.

— Архивист из городского хранилища нашёл журнал выдачи пропусков. В девяносто восьмом году пропуск Мельника действительно числится возвращённым на следующий день после посещения архива. Но есть одна запись: в день регистрации квитанции в книге отмечен вход человека с тем же номером пропуска.

— Кто записан? — спросила Вера.

Лебедева посмотрела на Артёма.

— Фамилия не указана. Только инициалы: А. М.

В комнате снова стало тихо.

Артём закрыл глаза на мгновение, затем достал телефон.

— Я позвоню отцу.

— Нет, — одновременно сказали Вера и Лебедева.

Он убрал руку от кармана.

— Почему?

— Потому что теперь он узнает, что мы нашли, — сказала Вера. — И у него будет время уничтожить остальное.

Артём кивнул, принимая не приказ, а очевидное последствие собственной ошибки.

За окном дождь усилился, и фонари во дворе расплылись в стекле. Вера закрыла папку, но не убрала её: теперь в ней лежал не только журнал, вынесенный без согласия, и не только чужая подпись, похожая на подпись Артёма. В ней появилась документальная связь между старым пропуском, повторным доступом к делу и человеком, которого Артём ещё утром пытался защищать молчанием.

Он сел напротив неё и тихо сказал:

— Утром я дам вам всё, что помню.

— Не мне, — ответила Вера. — Следствию.

— Тогда следствию.

Только после этого она убрала папку.

Лебедева убрала подписанные листы в прозрачный файл и защёлкнула замок на металлическом чемоданчике.

— На сегодня достаточно, — сказала она. — Руднева осмотрят ещё раз. После этого его либо оставят в больнице, либо перевезут в отделение. В любом случае разговаривать с ним без сотрудника полиции вы не будете.

— Я не собиралась, — ответила Вера.

— Собирались. По вашему лицу видно.

Вера не стала спорить. Лебедева слишком быстро научилась замечать то, что другие принимали за её спокойствие.

Артём поднялся.

— А мне можно уйти?

— Вам можно пройти в комнату ожидания и дождаться, пока я проверю, кто такой А. М. Вы не задержаны.

— Пока.

— Пока вы сами не создадите для этого основания.

Он кивнул, но не двинулся. Вера видела, как напряжены его плечи. Он держался не за край стола, а за собственное решение не звонить отцу. Это было непривычно: раньше Артём уходил от неприятного разговора, прикрываясь необходимостью действовать немедленно. Теперь впервые остался на месте.

Руднева увели на повторный осмотр в соседнюю комнату. Вскоре в дверь заглянул санитар.

— Рудневу стало лучше. Спрашивает Бережную.

Лебедева сразу покачала головой.

— Нет.

— Он сказал, что знает, где вторая страница.

Вера посмотрела на следовательницу.

— Это может быть попытка вытянуть меня к нему.

— Именно поэтому вы не пойдёте.

— А если он действительно знает?

— Тогда повторит при протоколе.

Из коридора донёсся хриплый голос Руднева:

— Она имеет право решить сама.

Лебедева резко открыла дверь.

— Вы будете говорить только в присутствии врача и следователя. Попытка давить на свидетеля будет внесена в протокол.

— Внесите, — ответил Руднев. — Мне уже нечего терять.

Вера услышала в его голосе не отчаяние, а расчёт. Руднев понял, что прежняя схема перестала работать. Он больше не мог распоряжаться её любопытством, потому что теперь знал: Вера различает помощь и согласие, а его просьбы никогда не были просьбами.

— Я не пойду к нему, — сказала она. — Но хочу услышать показания.

Лебедева помолчала.

— Только за стеклом. Не разговаривать. Если он обращается к вам напрямую, вы не отвечаете.

— Хорошо.

Артём сделал шаг следом.

— Я тоже.

— Нет, — сказала Вера.

Он остановился.

— Почему?

— Потому что речь идёт о том, что сделали с моим именем. Я должна услышать это сама.

— Я не собирался вмешиваться.

— Вы уже вмешались, когда пошли со мной в архив и позволили Рудневу думать, что можете на него повлиять.

Артём отвёл взгляд. Возражение у него было, но он не произнёс его.

— Ладно, — сказал он. — Я останусь здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.